

РОЛЬ БЕЛОРУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ПЕРЕГОВОРАХ В БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩЕ¹

Д.В. Юрчак (Витебск)

Вопрос о подписании в государственной резиденции «Вискули» в Беловежской пуще Соглашения о создании Содружества Независимых Государств является весьма политизированным на сегодняшний день, так как произошедшие события кардинально изменили судьбу Советского Союза, став фактически признанием и констатацией того, что эта могущественная сверхдержава с огромным людским потенциалом перестала существовать.

Поэтому к Вискулям всегда было приковано внимание историков и публицистов, а их оценки данного события чаще всего зависели от политических взглядов авторов. В частности, очень часто можно услышать исключительно негативные оценки действий основных участников переговоров, которых обвиняют в сговоре с целью отстранения М. С. Горбачёва от власти и развала СССР. Вместе с тем, стоит учитывать, что у руководителей трёх республик (и в их ближайшем окружении) были различные цели и мотивы как при организации самих переговоров, так и в ходе их проведения, о чём свидетельствуют многочисленные воспоминания участников тех событий и иные источники.

Стоит учитывать и сложившиеся обстоятельства, когда по факту после августа 1991 года дезинтеграционные процессы ускорились, наблюдался отказ ряда республик от подписания нового союзного соглашения, формат которых не устраивал многих. Союзный центр во многом уже утратил контроль над республиками. Проведение референдума о независимости в Украине явственно свидетельствовало о курсе местных элит и во многом было на руку Б. Н. Ельцину, который стремился использовать это в своих целях. Поэтому некоторое время СССР находился в подвешенном состоянии.

Л. Ф. Шевцова следующим образом оценивает произошедшее в Беловежской пуще: «Ситуацию переломили Ельцин и Кравчук, давно уже соревновавшиеся в стремлении сбросить мешавшие им оковы союзного Центра. Но они нуждались в «третьем», своеобразном прикрытии и амортизаторе. Им вряд ли мог стать независимый и упрямый Назарбаев <...> Белорусский лидер Шушкевич оказался идеальным «третьим». Более того, его участие даже направляло наблюдателей по ложному следу – они стали впоследствии строить прогнозы о «славянском союзе» [3, с. 29].

¹Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент А. П. Косов).

Такая оценка роли белорусской стороны в лице председателя Верховного Совета Республики Беларусь С. С. Шушкевича, на наш взгляд, во многом может быть распространена и на всю белорусскую делегацию, в состав которой также входили председатель Совета Министров Республики Беларусь В. Ф. Кебич и министр иностранных дел П. К. Кравченко. Очевидно, что это не полный перечень участников переговоров с белорусской стороны, но именно эти государственные деятели определяли позицию республики на переговорах в Вискулях. Кроме того, они оставили мемуары, повествующие о тех событиях, что особенно важно, так как видеофиксации переговоров не велось и исторических источников, проливающих свет на происходящие события, крайне мало.

Вместе с тем, мемуары очень часто субъективны и зависят от политических взглядов самих авторов. В частности, стоит учитывать, что С. С. Шушкевич и П. К. Кравченко на момент написания своих работ находились в оппозиционном лагере и не скрывали своих положительных оценок произошедшего в 1991 году в Вискулях. Так, С. С. Шушкевич считал, что события развивались в рамках «цивилизованного развода» и именно этот шаг позволил избежать вооружённого противостояния и беспорядков в стране. В частности, он писал: «Подписание Беловежского соглашения я считаю вторым по значимости важным событием и для Беларуси, и в моей жизни. Привожу далее его полный текст, привожу потому, что десятки раз те, кто меня за подпись под ним упрекал, его не читали и не знали, но по инерции, как было принято в Советском Союзе, упрекали. А упрекать не за что. Документ признан серьёзными аналитиками «шедевром легитимной дипломатии конца второго тысячелетия» [4, с. 191].

В свою очередь В. Ф. Кебич называет всё произошедшее в Вискулях не иначе как «государственным переворотом», постоянно акцентируя внимание на то, что он до последнего не знал о планах руководства России и Украины. И с этим, на наш взгляд, можно согласиться. Хотя при этом Вячеслав Францевич признаёт, что подписание договора о новом формате отношений было необходимо и основу нового союза должны были составить именно три славянских республики СССР [1, с. 219].

Стоит обратить внимание на то, что по воспоминаниям белорусских государственных деятелей первоначально основным поводом для встречи в Вискулях был экономический вопрос. Сомневаться в правдивости этого утверждения не приходится, так как для всех республик Советского Союза в условиях распада единой хозяйственной системы ключевым оставался вопрос обеспечения энергоресурсами. Именно об этом хотел поговорить фактический руководитель Беларуси В. Ф. Кебич с российским лидером в неформальной обстановке. С. С. Шушкевич писал, что ему осенью позвонил В. Ф. Кебич и сказал: «Вы в очень хороших отношениях с Борисом Николаевичем Ельциным, это нельзя не использовать для обогрева наших граждан. Пригласите его на охоту в пушу, примем, как подобает принять

президента России, и, не сомневаюсь, уговорим его нам помочь с нефтью и газом». Проблемы с подписанием нового союзного соглашения стали формальным поводом реализовать на практике это устремление» [4, с. 178].

Однако почему для решения экономических вопросов нужна была Украина? Белорусский спикер обращает внимание на причины такого необычного формата в переговорах: «Зачем был нужен Кравчук? Были факторы за и против. Против, так как трёхсторонние договорённости достигаются значительно сложнее двухсторонних. За, потому что у нас одинаковая главная проблема – потребность в энергоносителях на зиму – и нелепо устроить нездоровую конкуренцию по вопросу, кто сумеет лучше угодить России, чтобы их получить. А вместе, всё честно, транспарентно, понятно. Вторая причина расширения состава участников встречи была обусловлена тем, что многие отрасли промышленности, особенно крупные энергопотребители, должны были ясно представлять, что их ждёт в плане энергообеспечения в ближайшей перспективе. Поэтому делегации на вискюльскую встречу укомплектовывались руководителями и представителями заинтересованных министерств и ведомств» [4, с. 180–181].

По словам самого В. Ф. Кебича, инициатором переговоров стал Б. Н. Ельцин, который позвонил С. С. Шушкевичу и предложил провести встречу по вопросам подписания нового союзного договора в Беларуси, причём без Горбачёва. Он же предложил позвать Л. М. Кравчука, отношения с которым у Бориса Николаевича не ладилась. Однако намеченный на конец ноября визит был отложен из-за референдума в Украине. Как утверждает председатель Совета Министров Беларуси, Президент СССР был в курсе подготовки встречи, но ему она была преподнесена российской стороной как способ уговорить украинское руководство на условия союзного центра при поддержке С. С. Шушкевича [1, с. 187–189].

Как видим, два ключевых белорусских переговорщика расходятся в своих трактовках событий. Вместе с тем, обе версии имеют право на существование и не противоречат одна другой. Более того, именно российский лидер мог стать инициатором проведения встречи в трёхстороннем формате. Также стоит учитывать, что Б. Н. Ельцин и Л. М. Кравчук, стремясь к своим целям, вряд ли ставили руководство Беларуси в свои планы (которые изначально у них были разные), так как не были заинтересованы в огласке.

Вместе с тем, П. К. Краченко утверждает, что руководители Беларуси были в курсе происходящего. На что В. Ф. Кебич в своей книге отвечает очень резко и эмоционально, утверждая, что Пётр Кузьмич «лжет, когда утверждает, что я с самого начала знал о готовящейся юридической ликвидации Советского Союза. Лжет, когда живописует в выдуманных им же деталях, как я, осуществив хитроумную переговорную комбинацию, настаивал на том, чтобы под Соглашением о создании СНГ стояли подписи не только глав республик, но и премьер-министров. Лжет по необходимости

создать себе имидж самого честного и дальновидного политика и просто по привычке...» [1, с. 201].

В подтверждение слов тогдашнего премьер-министра республики о том, что руководство Беларуси как принимающая сторона было не в курсе происходящего, говорит даже отсутствие печатной машинки в резиденции. А значит принимающая сторона готовилась к переговорам в неформальной обстановке, но никак не к подписанию какого-либо документа. Впоследствии эта ситуация станет одной из самых тиражируемых в СМИ, но именно она будет свидетельствовать в пользу того, что основная игра велась за спиной у руководства Беларуси, которому в этой сложной игре отводилась роль статистов и гостеприимных хозяев, которые, что также немаловажно для российских идеологов соглашения, имели право подписывать документ о денонсации Договора об образовании СССР от 1922 года.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о выборе места проведения встречи. Приверженцы идеи спланированного развала СССР уверены, что Беловежская пуца была выбрана по причине нахождения на государственной границе, чтобы в случае провала можно было легко бежать в Польшу и далее на Запад. К этому, на наш взгляд, стоит относиться скептически. В мемуарах выбор места проведения трактуется по-разному. В частности, как видно из уже приведённой цитаты из книги С. С. Шушкевича, охоту и отдых в Беловежской пуце лидеры республики рассчитывали использовать как фактор для ведения переговоров по поставкам энерго-ресурсов. Кроме того, Беларусь для Б. Н. Ельцина и Л. М. Кравчука была нейтральной площадкой, которая устраивала всех, а особого выбора для проведения встречи такого формата вне столицы не было.

Иной версии придерживается П. К. Кравченко, который считал, что выбор места был определён на основе предложения депутата Верховного Совета БССР Г. Козлова, озвученного ещё в конце 1990 года в Москве. Этот парламентарий был близок к окружению Б. Н. Ельцина и считал, что новое союзное соглашение должно быть заключено в Бресте (или его окрестностях) как своеобразный «исторический ответ» на Брестский мир, ставший для большевиков одним из главных провалов во внешней политике [2, с. 149]. Такое предположение очень маловероятно и также скорее вписывается в рамки какой-то очередной конспирологической теории.

Поэтому предположение о том, что выбор места был определён несколькими ключевыми факторами (расположение подальше от Кремля, на нейтральной для российской и украинской делегаций территории, где можно было отдохнуть по старым номенклатурным традициям) выглядит весьма обоснованным, легко объяснимым и вполне вероятным.

Таким образом, очевидным является факт, что тогдашнее руководство Беларуси оказалось втянуто в события в Беловежской пуце лишь потому, что наша страна больше всего подходила для переговоров, в которых были заинтересованы Б. Н. Ельцин и Л. М. Кравчук. Эти переговоры

С. С. Шушкевич и В. Ф. Кебич рассчитывали использовать в своих целях для решения злободневных экономических вопросов и налаживания контактов с руководством России и Украины, но оказалось, что у других участников переговорного процесса были иные планы, которые превратили изначально неформальную трехстороннюю встречу в Вискулях в событие мирового масштаба, ознаменовавшее исчезновение с политической карты мира великой державы.

Источники и литература:

1. Кебич, В. Ф. Искушение властью: из жизни премьер-министра / В. Ф. Кебич. – Минск : Парадокс, 2008. – 480 с.
2. Кравченко, П. К. Беларусь на распутье, или правда о Беловежском соглашении. Записки дипломата и политика / П. К. Кравченко. – М. : Время, 2006. – 456 с.
3. Шевцова, Л. Ф. Режим Бориса Ельцина / Л. Ф. Шевцова. – М. : РОССПЭН, 1999. – 535 с.
4. Шушкевич, С. С. Моя жизнь. Крушение и воскрешение СССР / С. С. Шушкевич. – М. : РОССПЭН, 2012. – 471 с.

ИНТЕГРАЦИЯ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Л.В. Вонсович (Минск)

Распад Советского Союза разрушил систему биполярного мира, привел к нарушению баланса сил, к стремлению США доминировать как в мировой политике, так и в экономике. Этому стремлению США противостоят три других глобальных центра силы – Китай, Россия, Евросоюз. Между ними в различных регионах мира развернулась борьба за сферы влияния, за энергоресурсы, за сферы управления в энергетической отрасли. Сложившаяся в результате этого система международных отношений, в основе которой лежат новые угрозы, такие как распространение ядерного оружия, терроризм, многочисленные локальные конфликты, поставила перед белорусским государством задачу создания условий для безопасности, включая экономическую, энергетическую, социальную, «обеспечения справедливого распределения выгод, связанных с глобализацией» [1, с. 114]. Исходя из реалий своего геополитического положения, белорусское государство провозгласило курс на многовекторную внешнюю политику и объявило себя последовательным сторонником формирования многополярной системы международных отношений.

Республика Беларусь сделала ставку на проверенных партнеров – ряд государств, возникших на постсоветском пространстве, которые, после распада СССР столкнулись с совокупностью внутривнутриполитических и соци-